

ВИНОГРАДОВА В. Л.

ОБ ОПИСАНИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Л. В. Щерба в свое время писал: «Правила словаря даются обыкновенно в виде „значений слов“. Всем, однако, известно, как трудно формулировать эти значения в толковых словарях: это издавна составляло самое слабое их место, и издавна ведутся споры о наилучших методах определения значений» [1]. Это высказывание известного лингвиста и сейчас в полной мере сохраняет свою актуальность в лексикографии.

Компонентный тип описания значений слов в настоящее время очень широко применяется специалистами при составлении исторических и современных словарей. В данной статье делается попытка теоретического и практического анализа основных видов компонентного типа определения значений на материале имен существительных Словаря-справочника «Слова о полку Игореве», составленного автором этих строк [2]. Существительные в основу этого анализа положены вследствие их большей лексико-семантической устойчивости по сравнению с другими частями речи, что в значительной степени облегчает здесь определение границ видовой классификации. Словарь-справочник «Слова» дает описание значений слов почти так же, как общий исторический словарь. Поэтому обобщение опыта составления Словаря-справочника «Слова» в его основном типе описания значений — компонентном могло бы, кажется, представлять некоторый интерес для лексикографов и лексикологов.

Компонентное описание значений существительных в данном словаре составляется из двух, иногда из трех и даже более компонентов. Чаще всего каждый компонент выражен одним существительным, реже — двумя существительными, из которых одно стоит в род. пад. в качестве определения к другому, или прилагательным + существительное; изредка один из компонентов представляет целое развернутое выражение. Чтобы добиться наиболее точного объяснения той или иной древнерусской лексики средствами современного русского языка, мы старались учитывать всю семантику каждого подобранного к этой лексеме соответствия (компонента) в целом. Для этой цели мы опирались главным образом на семантические схемы слов из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, так как он ближе других словарей подходит к Словарю-справочнику по принципу семантических определений. Такой расширенный подход позволяет обобщить и выявить в компонентном типе описания значений несколько лексико-семантических видов, которые в свою очередь можно разделить на подвиды уже по внутренним семантическим связям между самими компонентами. В историческом словаре русского языка все это осложняется сопоставлениями функционирования каждой древнерусской лексико-семантической единицы с современными соответствиями-компонентами в описании, учетом общих и эпохальных особенностей древнерусского языка и ряда экстралингвистических факторов (исторических, культурных, литературных, социальных и т. д.).

Наибольшее распространение в компонентном типе описания существительных Словаря-справочника «Слова» получил вид, при котором компоненты располагаются от более широкого в лексико-семантическом аспекте, т. е. имеющего большее количество значений или больший объем значения, к более узкому, с меньшим количеством значений или совсем однозначному и узкому по объему. Во всех случаях этого вида по-

следний компонент уточняет первый (или первые). Первый компонент таким образом имеет более общее значение, второй или последний — более частное, иногда видовое по отношению к первому. Компоненты в определении значений как бы отмечают начальную и конечную границы словоупотреблений, а при трех компонентах указывают и на промежуточное звено. Однако семантические связи между данными компонентами могут быть различными. Они показывают описываемую древнерусскую лексему даже в пределах одного значения или оттенка с разных сторон (в разных ракурсах).

Самой ярко выраженной семантической связью в описании значения существительных является синонимическая. Это как бы продолжающаяся связь между описываемой древнерусской лексемой и ее современным соответствием, т. е. первым компонентом значения, только теперь уже в пределах или почти в пределах современного языка¹. Прежде всего надо сказать, что мы во взгляде на синонимы присоединяемся к традиционной точке зрения: синонимы — это слова (или выражения) обозначающие одно и то же понятие, но различающиеся между собой дополнительными (дифференциальными) элементами значения (включая экспрессивно-стилистическую окраску и т. п.). Каждое значение в полисемантическом слове может в принципе иметь свой синонимический ряд. Поэтому в рассматриваемом здесь компонентном типе описания значений двузначные или многозначные слова могут стать синонимами не только в своих основных значениях; синонимический стык практически возможен в любом из значений или оттенков таких слов, т. е. компонентов. Рассмотрим несколько примеров из Словаря-справочника «Слова», иллюстрирующих высказанные здесь соображения.

Однозначные синонимы: *брѣгъ* — 2². «Скала, утес» (1,71)³. Второй компонент «утес» — отвесная скала со своими характерными признаками находится семантически в видовом соотношении с компонентом «скала», т. е. указывает на один из видов скал. Данное описание продиктовано цитатным материалом, приведенным в Словаре-справочнике «Слова» на лексему *брѣгъ*, где в цитатах из переводных памятников компоненты вообще невозможно отделить друг от друга, а также примером из оригинального произведения: «Зане князь щедръ, аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы...» Сл. Дан. Зат., 20, нач. XVII в. ~ XII в., учитывая при этом, что скалы были чужды особенностям земного рельефа Древней Руси. Ср. также: *буестъ* — 2. «Надменность, тщеславие» (1,74); *воля* — 4. «Хотение, вожделение» (1,131); *дубие* — 2.// «Роща, дубрава» (2,53); *кожухъ* — 1. «Меховая одежда, шуба» (2,198); *комонь* — «конь, боевой конь» (2,201). В двух последних примерах иллюстративный материал почти не позволяет выделить каждый из двух компонентов в качестве словоупотреблений. *Братъ* — 2. «Соотечественник, земляк» (1,69) — в современном языке синонимическая связь между этими словами сильно ослабла. В последних синонимических словарях они не отмечаются. Есть лишь в Словаре В. И. Даля [4, IV, с. 271]. Однако в цитатах речь идет о людях из Полоцкой и Новгородской земель до или в период становления государственности. Поэтому только в соединении этих двух компонентов достигается максимальная точность определения. Можно привести еще ряд определений значений однозначными синонимами, но таких в Словаре-справочнике «Слова» немного.

Гораздо больше случаев, когда один из синонимов или оба двузначны или многозначны. В данном виде описания «от широкого к узкому» наиболее полисемантичен первый компонент-синоним. Прежде чем перейти к их

¹ «... способ, пользуясь которым лексикограф, не прибегая к определению в логическом смысле этого слова, может преодолеть затруднения, которые иначе не могли бы быть устранены. Мы говорим об эквивалентах, получаемых путем перечисления слов, более или менее синонимичных определяемому...» [3].

² Цифра с точкой перед значением указывает на порядковый номер значения в Словаре-справочнике «Слова».

³ Эти цифры обозначают номер выпуска и номер страницы Словаря-справочника «Слова».

рассмотрению, следует указать на случаи, когда первый компонент-синоним, хотя он и однозначен, но имеет очень широкий объем значения; этот компонент служит общим значением для второго компонента-синонима, хотя второй бывает и неоднозначен. Чаще это касается абстрактных, отвлеченных существительных, обозначающих чувства, события и явления, связанные с ними. *Бѣда* — 1. «Несчастье, горе» (1,43) — «несчастье» включает в себе элементы, связанные с бедствием, а «горе», пожалуй, имеет больше личного ⁴. В Слове о полку Игореве мы наблюдаем в слове *бѣда* больше первое, чем второе; «горе» воспринимается как следствие горестного события. Соответственно подобраны и примеры из памятников и фольклора, но есть и такие, где эти два компонента значения синкретичны, по крайней мере, в данном контексте. Поэтому «горе» стоит здесь на втором месте, хотя словари отмечают в нем два или три значения. *Зло* — 1. «Беда, несчастье» (2,137) — одного компонента «беда», имеющего слишком широкий смысл для обозначения слова зло, явно было бы недостаточно и для цитаты из «Слова» («Нѣ се зло — княже ми не пособие: наниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подѣ саблями Половецкыми, а Володимиръ подѣ ранами», 27—28) ⁵, и для иллюстраций.

При неоднозначности и особенно многозначности первого компонента второй компонент-синоним в определении значений существительных призван не столько уточнять первый, сколько его «расшифровывать», т. е. указывать на одно из значений, в котором они оба синонимичны друг другу. Без этого расшифровывающего компонента не может быть достигнута необходимая точность определения. И вместе с тем они обогащают друг друга дополнительными (дифференциальными) элементами, которые присутствуют в иллюстративных контекстах (цитатах). Например: *въжа* — 1. «Кибитка, шатер кочевников» (1,93). Если описать значение только словом «кибитка», то будет неясно, в каком смысле понимать, так как в современных словарях оно имеет два значения: 1) «крытая повозка»; 2) «переносное жилище у кочевых народов»; если определить как «шатер кочевников», то это тоже будет не совсем точным, ибо в случае необходимости (военных набегов, например) кочевники ставили свои вежи — шатры на колеса и превращали их, как указывал А. А. Потебня, в «дом-повозку» [6, с. 41]. Поэтому только двухкомпонентное определение слова *въжа* будет наиболее точным. Это подтверждается и иллюстративным материалом, приведенным в Словаре-справочнике «Слова». Ср. еще: *брань* — 3. «Нападение, нападки» (1,68) — здесь компонент «нападки» диктуется цитатным материалом: речь идет о дьяволе («брань дьяволу»). *Дѣло* — 1. «Действие, поступок» (2,21) — «действие» насчитывает 8 значений; «поступок» — однозначно: синонимический стык где-то в 5-м значении ⁶; почти весь цитатный материал дается с определениями: «дѣла добра», «безбѣднаа дѣла», «дѣла славнаа» и т. д., что подчеркивает необходимость второго компонента; 2. «Совершение чего-л., деятельность» — стык в 1-м значении, материал показывает синкретизм этих компонентов. *Лугъ* — 2. «Лес, дубрава» (3,67) — необходимость второго однозначного компонента оправдывается не только тем, что первый имеет 3—4 значения, но и самим цитатным материалом («лузи дубравнии» — Новг. корм. 1282 г., 673—674), косвенно определение подтверждается и греческим *δρυμός*: «дубовый лес, лес вообще» [7]. Ср. также: *повѣсть* — 3. «Рассуждение, ход мыслей» (4, 86); *свѣтъ* — 6. // «Жизнь, земное бытие» (5, 96); *рѣчь* — 9. «Свидетельство, свидетельское показание» (5, 44) и т. п.

Сложнее бывают описания значений, когда оба или более компоненто-синонимов неоднозначны или многозначны. Здесь особенно важен их синонимический стык. Например: *сила* — 1. // «Племя (7 значений), народ (4 значения) (о представителях племен и народов в составе войска)» (5,137) — стык в первом и во втором значениях [5, III, с. 293—294; II,

⁴ См., например, в [5, I, с. 598; II, с. 556].

⁵ Цифра после цитат из Слова о полку Игореве обозначает страницу первого издания «Слова» 1800 г. (дается по Словарю-справочнику «Слова». М.— Л., 1965. Вып. 1. А—Г, с. 15—25).

⁶ См. в [5, I, с. 673; III, с. 645].

с. 413]⁷. Связь между этими синонимами уже стала ослабевать, но в данном случае приходится учитывать исторический период и цитату из «Слова» («Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука»). *Сила* — 8. «Размер (6 знач.), величина (2 знач.)» (5,140) — стык в первом значении; ср.: *величие* — 2. «Величина, размер» (1,102). На последнем примере видно, что сама объясняемая лексема при описании ее значений ни в коем случае не должна выпадать из поля зрения лексикографа. Она диктует даже место компонентов в описании: первое место должен занимать тот компонент, который семантически стоит к ней ближе всего. К сожалению, на данном этапе науки лексикографу далеко не всегда удается следовать этому положению. Особенно трудно бывает подобрать ближайший эквивалент в исторической лексикографии при объяснении слов ранних периодов развития языка. Влияние заглавного или описываемого слова при синонимии не ограничивается только расстановкой компонентов в определении значений, но также играет немалую роль при выделении самих значений и оттенков. Подкрепим это положение наглядным примером из Словаря-справочника «Слова»: *дума, мысль, замышление* в своих синонимических значениях описываются по-разному. *Дума* — 2. «Замысел, намерение» (2,55) — слово *дума* лексико-семантически не содержит в себе ничего предосудительного, оно нейтрально, отрицательный аспект приобретает лишь в контексте в качестве словоупотребления; поэтому определяется такими же нейтральными компонентами-синонимами. *Мысль* — 2. «Замысел, намерение, умысел» (3,125) — здесь отрицательный элемент усиливается, хотя еще не выделяется из словоупотребления⁸. Он дается в Словаре-справочнике «Слова» как третий компонент значения. *Замышление* — 1. «Замысел, намерение». // «Умысел, козни» (2,103) — здесь уже отрицательное начало выкристаллизовывается в оттенок значения. Ср. глагол *Замышляти* — 2. «На кого, на что. Замышлять что-л. против кого-л. [9].

Кроме синонимии в данном виде определений «от широкого к узкому» компонентного типа, в «Словаре-справочнике «Слова» немалое, хотя и меньшее, место занимают определения не синонимичные, в которых компоненты связаны между собой другими способами. Таких связей насчитывается здесь в основном три: понятийно-смысловая, элементная и «смешанная». Рассмотрим их подробнее.

Понятийно-смысловая связь характеризуется тем, что каждый из компонентов значения вместе с определяемым словом является членом одного понятийно-смыслового ряда, т. е. ряда близких слов, связанных между собой общим элементом понятия. Например: [*дебрь*] — 2. «Овраг, ров» (2,16) — здесь определение диктуется прежде всего иллюстрирующими текстами: из восьми цитат только в трех можно узнать «ров» в слове *дебрь*, в остальных же невозможно в данном узком контексте выделить один из компонентов. *Орьтма* — «покрывало, попона» (4,37) — здесь, кроме «Слова», цитат нет — это *һарах*. Приходится его значение определять по комментариям ориенталистов. *Полъ* — 1. «Одна из двух частей чего-л. целого, половина» (4,126) — и в «Слове» («свивая славы оба полы сего времени», 6), и в цитатном материале, и даже во фразеологии часто невозможно определить, равные ли это части или нет⁹. Определения тремя компонентами: *поле* — 1. «Безлесное пространство, равнина, луг» (4,129); *ратъ* — 3. // «Нападение, нашествие, набег» (5,29) — в обоих случаях объем значения сужается до минимума. Этим достигается необходимая точность указанных лексем, в общем довольно аморфных в текстах, а в первом случае и в самом Слове о полку Игореве.

Другая связь между компонентами в описании значения — элементная. Она является более далекой, чем предыдущая, но столь же необходима для достижения семантической точности. Показываем на конкретном материале: *бѣда* — 4. «Вред, мучение» (1,44). Слово *вред* в свою очередь

⁷ В дальнейшем счет значений компонентов и место их семантических стыков дается по этому словарю.

⁸ Ср. у И. И. Срезневского в [8, II, стлб. 217].

⁹ Ср. у И. И. Срезневского в [8, II, стлб. 1142].

в современном языке объясняется как «порча, ущерб, убыток». Однако в определенных словоупотреблениях, касающихся здоровья живых существ, в него входит элемент «мучение». Иллюстрации в Словаре-справочнике «Слова» как раз и говорят о вреде, мучении, наносимом здоровью человека. *Брѣмя* — 1. «Тяжесть, каменное ядро, грузило» (1,72) — такое определение может показаться на первый взгляд неоправданно субъективным. Тем не менее оно максимально точно по отношению к материалу. Первый компонент «тяжесть» — широк по объему и многозначен, выступает здесь в значении «тяжелый предмет». По тексту «Слова» невозможно определить характер этих тяжестей («меча бремены чрезъ облаки», 30); иллюстрации же свидетельствуют о двух других компонентах. Они уточняют и дополняют «тяжесть», а последнее в свою очередь связывает все описание воедино своим общим элементом и вместе с тем снимает с описания субъективизм словоупотребления.

Третьим способом связи между компонентами определения значения служит «смешанный», состоящий из соединения синонимического и понятийно-смыслового или элементного. Этот способ возможен лишь при трех и более компонентах определения. Например: *печаль* — 2. // «Тревога, беспокойство, опасение» (4,74) — при сужении значений самих компонентов до минимума («опасение» — однозначно) два первых является синонимами, а последний «опасение» связан с ними понятийно-смысловой связью (основной элемент понятия — «страх, боязнь»). В каждом из приведенных в Словаре-справочнике «Слова» примеров все компоненты присутствуют синкретично, хотя и в различной степени. Ср. также: *рѣчь* — 6. // «Решение, постановление, указание» (5,43).

Слава — 2. «Прославление, хвала, благодарение» (5,157) — «благодарение», казалось бы, находится по отношению к двум предшествующим синонимам в элементной связи, более далекой, чем понятийно-смысловая. Однако здесь следует видеть особый случай, который, по нашему мнению, может применяться в исторических словарях, когда при описании устаревших понятий используется старое слово в устаревшем, но еще понятном значении. Компонент «благодарение» употреблен в устаревшем значении «хвала, славословие» [8, I, стлб. 94], которое еще и теперь понятно в применении к богу. В Словаре-справочнике «Слова» это значение иллюстрировано, кроме текста самого памятника («Слава Игорю Святъславличю», 45, д. б. 46), цитатами о боге и божественных существах. Поэтому «благодарение» в рассмотренном примере, очевидно, синонимично двум другим компонентам.

Вторым по количеству употреблений видим «компонентного» типа определения значений в Словаре-справочнике «Слова» является вид, противоположный первому — «от узкого к широкому», т. е. от однозначного или с меньшим числом значений компонента к более многозначному или широкому по объему. Здесь первый компонент точно синонимизирует главное (описываемое) слово, и можно было бы остановиться на этом определении, как это делают некоторые словари. Однако контекст Слова о полку Игореве или иллюстративный материал заставляют к данному узкому и, казалось бы, точному значению присоединить еще один или два, изредка три более обобщенных компонента. Обычно это бывает необходимо тогда, когда первый компонент слишком узок для того, чтобы вместить в себя все словоупотребления иллюстративного материала. В частности, необходимость более обобщенного компонента (или компонентов) может диктоваться тем, когда первый компонент, например, стилистически окрашен, узко исторически обусловлен или само значение в контексте «Слова» неясно и поэтому требует осторожного, более широкого истолкования. В этом виде определения значений основа — лексикографическая последовательность (описываемое слово → контексты → значение) — остается неизменной, однако степень внутренних соотношений вторых компонентов с первым компонентом несколько меняется. Если при положении «от широкого к узкому», описанном выше, вторые компоненты в несколько большей степени были связаны с первым компонентом, как бы его уточняя, «расшифровывая», то при положении «от узкого к широкому» вторые

компоненты в гораздо большей степени вытекают из контекстов, т. е. определяющего иллюстративного материала. При этом непосредственная связь между компонентами в описании значения — синонимическая, понятийно-смысловая, элементная — здесь по-прежнему сохраняется, и опять синонимическая связь преобладает. Иногда при отборе вторых компонентов приходится учитывать материал, по каким-либо редакционно-техническим причинам оставшийся за пределами словаря. В принципе в историческом словаре, вероятно, этого следовало бы избегать, поскольку при этом получается некая как бы «бездоказательная» категория, лежащая на совести составителя. Однако без этой условности, как показывает составительская практика, тоже не обойтись. В Словаре-справочнике «Слова» такие случаи редко встречаются и возникают они по причине сильного сокращения иллюстративного материала во время подготовки рукописи к печати.

Приведем несколько примеров из Словаря-справочника «Слова» на вид значения «от узкого к широкому». Стилистическая обусловленность: *бѣда* — 3. «Кара, наказание» (1,44) — здесь компонент «кара» высоко стилистически окрашен — выражает «божественное возмездие за грехи» и синонимичен нейтральному компоненту «наказание». *Воля* — 2. «Произволение, выбор, решение» (1,121) — «произволение» тоже употребляется лишь по отношению к высоким лицам, два другие компонента нейтральны и синкретичны в заданных текстах, синонимичны, с «произволением» их связывает понятийно-смысловая связь. Некоторые описания значений обуславливаются еще и исторически: *братия* — 2. «Соратники, соплеменники, товарищи» (1,70) — распределение компонентов здесь диктуется «Словом» («и рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино“ ...» 5) и цитатами из памятников XII—XVI вв. оригинальных и переводных. Слова *соратники*, *соплеменники* в современном языке выступают как устаревшие с высокой риторической окраской, которой они не имели в ранние эпохи. Поэтому, чтобы указать на их нейтральность в контекстах, добавляется нейтральный общий компонент «товарищи». Родо-видовая соотносительность в способе описания «от узкого к широкому» наблюдается в первом компоненте: первый компонент нередко входит (вмещается) во второй и т. д. как один из видов данного понятия: *гласъ* — 1. // «Возгласы, громкая речь» (1,157); *дань* — 1. // «Пошлина, налог» (2,13); *[дубиѣ]* — 3. // «Дубинки, палки» (2,53); *доска* — 5. «Икона, изображение» (2,42); *заря* — 3. «Сияние, свет» (2,108); *свѣчай* — 2. «Общенье, знакомство» (5,106); *стругъ* — «водоворот, омут» (5,238) и т. д. Как видим, между этими родо-видовыми компонентами может быть как синонимическая, так и понятийно-смысловая и элементная связь. К только что рассмотренным описаниям значений примыкают также определения, в которых компоненты обозначают часть и целое. Например, *стружие* — «древко копья, копье» (5,238) — такое объяснение диктуется как Словом о полку Игореве («сребрено стружие», «дотчеся стружиемъ злата стола Кіевскаго»), так и цитатами из других памятников. Кроме того, в определении могут характеризоваться разные временные фазы одного и того же явления, состояния: *свѣтъ* — 2. «Восход солнца, рассвет, утро». // «Дневное освещение, день» (здесь как часть и целое); // «Вечернее освещение, заход солнца, вечер» (5, 91—94) — последний компонент называет само явление; в «Слове» и в цитатах из памятников слово *свѣтъ* не позволяет выделить эти фазы из самого временного явления. Поэтому и дается здесь такое развернутое определение.

Следующим видом компонентного определения значений существительных в Словаре-справочнике «Слова» является «градационный», а именно: восходящая градация (климакс), когда каждый последующий компонент оказывается более усиленным или насыщенным в лексико-семантическом и экспрессивном планах, чем предыдущий; и нисходящая градация (антиклимакс), наоборот, когда каждый последующий компонент, определяющий данное слово, становится более ослабленным или менее насыщенным. Эти восходящие и нисходящие градации идут в основном по линии усиления или ослабления величины, количества, каче-

ства, степени проявления признака, активности, пассивности, интенсивности действия. Иногда сюда примешивается стилистическая экспрессия и т. д. Случаев с восходящей градацией в пяти рассматриваемых выпусках Словаря-справочника примерно на одну треть больше, чем с нисходящей. Связи между самими компонентами значения остаются теми же, что и в рассмотренных выше видах: синонимическая как наиболее частая, понятийно-смысловая — реже, элементная — более редко встречающаяся. Эти связи, по-видимому, являются общими для всех видов «компонентного» описания значений существительных. Как уже говорилось выше, самым близким к определяемому слову по семантике должен быть первый компонент значения, т. е. ближайший синоним этого слова, а более далеким — последний компонент, не обязательно синоним. Этим распределением мест компонентов в формулировке значений решается и вопрос, какой должна быть градация в каждом конкретном случае: восходящей или нисходящей. Второй и т. д. и особенно последний компонент значения в восходящей степени зависят от иллюстративного материала. В Словаре-справочнике «Слова» наличие последнего компонента при градации часто продиктовано контекстом «Слова». «Градационный» вид «компонентного» описания значений в гораздо меньшей степени зависит от семантических схем каждого из компонентов и от количества семем в этих схемах, чем в видах, описанных выше: «от широкого к узкому» и «от узкого к широкому». В грациях учитывается не количество других (помимо определяющего данное слово) значений у каждого компонента, а их качество как усилителя или антиусилителя, определяющего значения этого компонента.

Высказанные здесь нами соображения яснее всего в Словаре-справочнике «Слова» находят подтверждение на примерах определений значений синонимичных лексем. Итак: *жалоба* — 1. «Печаль, горе» (2,69) — восходящая градация, так как компонент «горе» означает «глубокую печаль». Первый компонент продиктован семантикой слова *жалоба*, поскольку она была в древнерусском и старорусском языке слабее, чем у слова *жалость* и др. (см. ниже), и с другой стороны, — контекстом «Слова» («Уныша цветы жалобою...», 42—43 — описываются давние события 1093 г.¹⁰). Второй компонент «горе» указывается больше иллюстративным материалом: в двух примерах из трех — ситуации смерти близких, в одном примере *жалоба* усилено определением: «отъ многия жалобы». *Жалость* — 3. «Горе, печаль» (2,70) — нисходящая градация. Перестановка компонентов указывает на то, что слово *жалость* было сильнее по степени проявления чувства, чем *жалоба*. Об этом свидетельствуют и цитаты, приведенные в Словаре-справочнике «Слова». Связь между этими компонентами синонимическая и достаточно близкая, поэтому семантика в иллюстрациях каждого из обоих слов синкретична, почти не различается по словопотреблениям (лишь в одном примере дается более усиленное: «люта жалость»). Синоним *печаль* определяется восходящей градацией: 1. «Горе, скорбь» (т. е. «сильное горе»). Оба компонента показывают, что слово *печаль* в древнерусском языке семантически было более экспрессивным, чем в современном языке, и выражало большую степень чувства (проявления признака). Второй компонент продиктован контекстом «Слова», в котором *печаль* «горе» усилено еще определением («печаль жирна тече средь земли Рускыи», 20—24)¹¹. Данное описание значения этими синонимами подтверждается не только приведенным в Словаре-справочнике материалом, но и греческими соответствиями *θλίψεως* (ή θλίψις) — Изб. Св. 1076 г., 137об и ή λύπη — Пчела, 252, XIV в.~XIII в., в которых эти оба компонента присутствуют. Слово *желя*, *желса*, синонимичное к *печаль*, еще интенсивнее. Оно описано в Словаре-справочнике как «скорбь, терзание» (2, 86—87), второй компонент «терзание» уже показывает, что *желя* не просто скорбь, а скорбь в действии (внешнее проявление скорби), т. е. он активизирует первый компонент. Таким образом, града-

¹⁰ Ср. в моей статье [10, с. 97].

¹¹ Ср.: [10, с. 96].

ция здесь тоже восходящая, но связь между «скорбь» и «терзание» уже не синонимичная, а понятийно-смысловая по понятию «мука, мучение; страдание», т. е. более далекая. Необходимость компонента «терзание» диктуется как другим терминологическим активным значением «плач по умершему»¹², так и представленными иллюстрациями, в которых *желя* часто сочетается со словом *плъчъ* и которые в большинстве своем интерпретируют или прямо цитируют библию.

При нисходящей градации стилистически окрашенный первый компонент часто служит показанием стилистической окрашенности определяемого слова в данном значении. Например: *брань* — 1. «Битва, сражение» (1, 67—68) — здесь книжное высокое «битва» указывает на некоторую приподнятость слова *брань* в древнерусском языке, хотя степень этой приподнятости установить пока нельзя. Эта приподнятость отчасти, вероятно, объясняется усилительной степенью самих боевых действий в слове *брань*. Несколько ниже стилистическая приподнятость в *плъкъ* (*плъкъ*) — 2. // «Битва, сражение, бой» (4, 138). На это указывает то, что это уже оттенок к нейтральному значению «война, поход»; кроме того, снижает приподнятость и последний компонент «бой» (т. е. *плъкъ* применимо для обозначения как крупных, так и обычных военных действий — ср.: греч. *συμβολή* Хрон. Амарт., 371, XIII—XIV вв. ~ XI в.; *παράταξις* — Пчела, 395, XIV в. ~ XIII в.). В слове *рать* тоже присутствует степень приподнятости: *рать* — 1. «Битва, бой, сражение» (5, 27) — здесь ожидалась бы нисходящая градация: «битва, сражение, бой»; однако, учитывая сочетание *рать* и *плъкъ* в контексте Слова о полку Игореве («То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано!», 17), пришлось компонент «бой» передвинуть на второе место, поскольку *рать* и *плъкъ* здесь не могли быть абсолютными синонимами. Иначе раскрывается это значение в Словаре-справочнике «Слова» в словах *котора* и *крамола*: *котора* — 2. «Сражение, битва» (3, 11), *крамола* — 1. // // «Бой, сражение» (3, 18—19). Это — восходящая градация. Данная семантика в этих словах была второстепенной, стилистически, может быть, более нейтральной или нейтральной; в самом «Слове» она отсутствует (в нем употребляется основная семантика этих слов). В *крамола* — это второй оттенок к основному значению «междоусобная война...» через первый оттенок «борьба». Правильность именно восходящего описания значения подтверждается иллюстрациями и их греческими соответствиями (*μάχη*, *ναυμαχία*). В качестве примера заниженной стилистической оценки слова при нисходящей градации можно привести то же *брань* — 3. // «Перебранка, словесные нападки, порицание» (1, 68). На это указывает компонент «перебранка» — разговорное. Ср. синоним *говоръ* — 2. «Порицание, брань» (1, 161) — здесь, наоборот, восходящая градация, стилистическая нейтральность. Градация в *брань* и *говоръ* идет по линии снижения или повышения активности действия. Однако характер активности действия у компонентов здесь разный, как и степень нагнетания или убывания: у *брань*, например, постепенное понижение взаимного действия, в то время как в слове *говоръ* компоненты показывают только нарастание односторонней активности. Ср. также: *говоръ* — 2. // «Мятеж, недовольство» (1, 161) — нисходящая градация, с уменьшением активности («мятеж» как результат «недовольства»). *Нелюбие* — 1. «Неприязнь, нерасположение, вражда» (3, 158) — восходящая градация, от пассивного действия к активному (неприязнь, переходящая во вражду); *рать* — 5. «Вражда, ненависть, неприязнь» (5, 30) — нисходящая градация, от активного действия к пассивному; *рать* — более экспрессивно, *нелюбие* по отношению к *рать* — эвфемизм. *Котора* — 1. // «Разногласие, спор» (3, 11) и *рѣчь* — 8. «Спор, несогласие» (5, 43) — при градации активности действия перестановка одних и тех же компонентов («разногласие» здесь употребляется в значении «несогласие») показывает на то, что *рѣчь* в указанном значении было более экспрессивно, чем *котора*.

¹² Ср.: [10, с. 97]

Градационное описание значений слов (климакс и антиклимакс) один из наиболее интересных и многообещающих видов данной лексикографической проблемы. Однако он требует специальной разработки. В настоящей статье мы лишь слегка коснемся вопроса отражения в иллюстративном материале лексико-семантических связей компонентов между собой. Хотя этот вопрос в Словаре-справочнике, как и в любом историческом словаре, значительно усложнен степенью способности составителя понимать древние тексты, все же можно сделать некоторые обобщения. При градации существительных самая большая однородность иллюстративного материала в смысле близости словоупотреблений бывает при синонимии компонентов значения в прямо пропорциональной зависимости, т. е. чем ближе компоненты в синонимическом ряду данного значения, чем больше синкретизма в цитатах из памятников, иллюстрирующих данное значение, и тем труднее бывает определить, какой из компонентов преобладает в данном примере (цитате). Это в свою очередь и заставляет часто прибегать к градации в описании. Получается как бы заколдованный круг. Поэтому в данных случаях гораздо большую роль, чем в других видах «компонентного» описания, по-видимому, играет контекстное окружение и непосредственно определение или обстоятельственное слово к определяемому существительному. Например: *печаль* — 1. // «Страдание, мука» (4, 74) — восходящая градация: «Абие от многы ꙗбчали метяшетсяя» (Флав. Полон. Иерус., 172, XVI в. ~ нач. XII в.). *Печаль* — 2. // ... // «Старание, усердие» (4, 74—75) — восходящая градация: «Имяше же печаль на учение Нифонтъ зѣло...» (Ж. Нифонта, 242, 1219 г.). *Кровь* — 2. «Убийство, кровопролитие» (3, 31) — восходящая градация: «мсти имъ кровь христьянская» (Новг. I лет., 80, XIV в., под 1253 г.). *Струга* — 2. «Волна, вал» (5, 238) — восходящая градация: «стругы его (моря. — В. В.) възмутятся...» (Библ. Генн., 3 Ездр., XVI, 12, 1499 г.). *Крѣпость* — 3. «Могущество, сила» (3, 23) — нисходящая градация: «сила, крѣпость бога нашего...» (Апокал., 38, XII—XIII вв.). *Нужда* — 5. «Бедствие, несчастье» (3, 178) — нисходящая градация: «И многы и лютыя нужда...» (Ефр. корм., 224, XII в.). Однако, например, в слове *кляка* — 1. «Хитрость, обман, лукавство, коварство» (2, 189) — восходящая градация — ни в Слове о полку Игореве, ни в иллюстрациях выделить эти компоненты-синонимы невозможно — они здесь синкретичны. Также непоказательны контексты и в слове *сила* — 4. «Насилие, принуждение» (5, 139) — нисходящая градация. Ср. также *нужда* — 1. «Насилие, принуждение» (3, 176—177). Если же компоненты-синонимы стоят в разных концах синонимического ряда, то это может отразиться и в цитатном материале. Например, *мысль* — 1. «Воображение, творческое воспроизведение, представление» (3, 123) — нисходящая градация. Здесь как в цитатах «Слова», так и в иллюстрациях можно заметить колебания словоупотреблений в сторону каждого из трех его компонентов, хотя все три — синонимы. «Воображение» и «представление» более близки между собой, чем «творческое воспроизведение» (этот компонент имеет свою специфику, более узкую); поэтому контексты с уклоном в пользу этого последнего легче поддаются выделению: «Боянѣ... растѣкашется мыслію по древу...», 2—3, Слово о полку Игореве; «Бых мыслию паря, аки орель по воздуху» (Сл. Дан. Зат., 22, нач. XVII в. ~ XII в.); ср. также: *слава* — 1. // «Честь, достоинство, доброе имя» (5, 154) — нисходящая градация; *дума* — 3. «Совет, указание» (2, 55) — восходящая градация.

Когда связь между компонентами в значении понятийно-смысловая, словоупотребления в иллюстративном материале семантически становятся разнообразнее. Например: *буеть* — 3. «Своеволие, дерзость» (1, 74) — восходящая градация: в первой цитате уклон в сторону «дерзость» («дрѣзь же не буетию» Шест. Ио. екз., 37, 1263 г.), во второй — в сторону «своеволие» (по волю има бѣ далъ, она ж в буети в ненаказании все зло творяста). Измар., 95, перв. пол. XVI в. ~ XIV—XV вв.). *Рѣчь* — 7. «Обвинение, донос, наговор» (5, 43) — восходящая градация (по линии морально-этической негативности), тоже понятийно-смысловая связь; здесь цитатный материал последовательно склоняется в сторону каждого из компонентов (1. Флав. Полон. Иерус., 200 — к «обвинению»; 2. Там.

же, 209¹ — к «доносу»; 3. Пр. Рус., 132 — к «наговору»). Ср. еще: *слово* — 5. «Совет, повеление» (5,170) — здесь компонент «повеление» стилистически окрашен, что иногда облегчает выделение соответствующих словоупотреблений.

Элементная связь между компонентами в качестве более далекой, чем понятийно-смысловая, теоретически предполагает еще большие расхождения между словоупотреблениями в цитатном материале. В Словаре-справочнике «Слова» элементная связь встречается довольно редко и продиктована разными причинами, чаще самим контекстом. Например: *рать* — 3. // (третий оттенок к значению «война»). «Нападки, козни» (5,30) — восходящая градация: здесь «козни» вытекает из контекста «Или преста от тебе рать бѣсовскаа» [Патер. Печ. (Абр.), 163, XV в. ~ XIII в.]. *Смага* — 2. «Сухость, жар» (5,176) — восходящая градация; здесь элементная связь объясняется и контекстом: «на губахъ смага спадеть, и тѣло все загорится» (Пам. др. церк. учит. лит., III, 96, XII в), и неясностью употребления слова *смага* в Слове о полку Игореве («смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ», 20).

Следующую рубрику «компонентного» вида описания значений существительных в Словаре-справочнике «Слова» можно условно назвать «равнозначной». Она характеризуется компонентами, которые максимально синонимичны друг другу. Это слова и выражения, представляющие абсолютные синонимы или почти таковые. Прежде всего, это фонетические и морфологические варианты. Например: *листвие* — собир. «Листья, листва» (3,63); *полудние* — 1. «Середина дня, полдень» (4,147); *полночь* — 1. «Середина ночи, полночь» (4,148). Сюда относятся и исторические термины, требующие подробностей объяснений-расшифровок: *городъ* — 3. // «Осадный городок, подвижная башня с воинской силой для штурма крепости» (1,171); *душа* — 1. «Жизненное начало, то, что дает человеку жизнь и остается нетленным после его смерти (религ.)» (2,59); *крамола* — 1. «Междоусобная война, длительный военный раздор близких людей, народов» (3,18); *ожерелie* — 3. «Часть одежды, покрывающая плечи, оплечье» (4,25); *сѣнь* — 4. «Переносный храм в шатре, скиния» (5,126). Иногда компоненты семантически равнозначны, но являются стилистическими синонимами. Такое описание значений обычно отражает стилистические и жанровые различия иллюстрирующего материала; например: *лоно* — 2. «Чрево, утроба» (3,66) — компонент «чрево» (церк. книжн.) отражает цитату из Библ. Генн., Пл. Иерем., II, 12, 1499 г.; «утроба» (простореч.) — из Физиол., 217, кон. XV — нач. XVI вв. Ср. также: *рана* — 3. «Болезнь, недуг» (5,13) — здесь даны примеры из памятников разных жанров: Остр. ев., Ж. Бор. Глеб. (Усп.) и Ипат. лет.; *сила* — 1. «Войско, воинство» (5,136) — церк. торжественное «воинство» лучше соответствует цитате из Сл. Испол. об антихр., 22, = XII в. Особо следует отметить определение слова *сыновець* — 2. «Племянник, сын брата» (5,259) — один компонент «племянник» был бы недостаточен, так как в современном языке обозначает также и сына сестры. Некоторые описания значений в Словаре-справочнике «Слова» содержат равнозначные компоненты-синонимы («абсолютные» синонимы-слова и выражения), чтобы как можно точнее дать определение семантики не только тех цитат, которые отобраны в издании, но и вообще, поскольку в каждом максимально близком синонимическом компоненте есть свое лексико-семантическое «я». Это «я» было отражено в цитатах рукописи Словаря-справочника «Слова», которые не вошли в издание вследствие сокращения объема. Особенно в этом отношении пострадал пятый выпуск, когда из нескольких цитат приходилось оставлять лишь одну-две. Эти тонкие элементарные лексико-семантические различия в очень близких синонимических компонентах трудно улавливаются даже в самих описаниях значений, т. е. в пределах современного русского языка. Тем более трудно поймать их отражение в древнерусских текстах, иллюстрирующих данные значения. Примеры: *гласъ* — 3. // ... // «Отзвук, отголосок» (1,158); *гроза* — 2. «Угрожающая, приводящая в трепет сила, устрашающее превосходство» (1,179—180); *древо* — 3. // собир. «Поленья, дрова» (2,48); *земля* — 3. // «Народ какой-н. страны, люди, населяющие стра-

ну (2, 126); *мгла* — 1. «Темнота, мрак» (3, 81); *похоть* — 3. «Душевное состояние, расположение духа» (4, 177); *сердце* — 1. «Внутренний мир человека, совокупность его чувств, мыслей, переживаний» (5, 126); *слово* — 9. «Дар речи, способность говорить» (5, 171); *сонъ* — 1. «Сновидение; то, что снится» (5, 195); *столя* — 5. «Столица, стольный град» (5, 221); *судъ* — 1. // «Судебная деятельность, правосудие» (5, 249). Как видим, компоненты в «равнозначной» рубрике различны по составу: отдельные слова-синонимы, синонимические выражения, однако связь между ними — только синонимическая и максимально близкая. Многие из этих компонентов носят расшифровывающий, уточняющий характер.

В Словаре-справочнике «Слова» встречается в небольшом количестве еще один подвид «компонентного» описания значений слов. Хотя он не представляет собой чего-либо существенно нового по сравнению с предыдущими, однако заслуживает некоторого внимания. Это описание состоит из двух или трех неоднозначных компонентов-существительных, семантические схемы которых количественно равны или почти равны. В этих случаях самым важным моментом является их стык, т. е. их совпадение в семантических схемах между собой. Как правило, они синонимичны, однако характер стыка бывает разным. Прямой стык: *дань* — 2. «Дар, приношение» (2, 13). — Это — синонимы, имеющие в семантике по три значения. Оба — стилистически окрашены: устар., книжн.; «дар» в первом значении: «приношение, подарок». Прямой, но ограниченный в употреблении стык: *гора* — 2. «Берег, суша» (1, 167) — компоненты-синонимы в морском обиходе, имеют по два значения в семантике: стык в значении «суша» в противоположность воде, морю. Само слово *гора* в семантике «берег» тоже сохранилось в наше время лишь в диалектах. Общий стык: *печаль* — 3. «Искушение, испытание» (4, 75); компоненты имеют по три значения, однако точный стык в каком-либо одном из компонентов здесь определить невозможно, так как «искушение» в христианском понимании как соблазны дьявола одновременно является и «испытанием», т. е. проверкой душевной религиозной стойкости. Есть стык «элементного» различия. Например: *повѣсть* — 1. «Рассказ, повествование о чем-л.» (4, 94—95); *рѣчь* — 4. // 2-й оттенок — «Повествование, рассказ» (5, 42); *слово* — 2. «Повествование, рассказ» (5, 167). Компоненты данных трех слов-синонимов имеют в семантической схеме по три значения, здесь они синонимичны тоже между собой. Однако в лексеме *повѣсть* наблюдаем другую расстановку компонентов по сравнению с *рѣчь* и *слово*. Одна объясняется элементной разницей стыка компонентов этих лексем. Стык у них общий: «словесное изложение, описание каких-л. событий», но в лексемах *рѣчь* и *слово* добавляется семантический элемент «подробного, спокойного и бесстрастного» изложения событий.

Таковы основные виды компонентного типа описания значений имен существительных в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве». Эти виды могут быть применены при описании значений слов, выраженных и другими полными частями речи (прилагательные, глаголы и т. д.), с некоторыми вариациями в зависимости от специфики той или иной части речи.

ИСТОЧНИКИ

- Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. — Рукоп. БАН, собр. Никольского № 1. XII—XIII вв.
 Библ. Гени. — Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия. — Рукоп. ГИМ, собр. Синодальное № 915.
 Ефр. корм. — *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906.
 Ж. Бор. Глеб. (Усп.) — Сказание и страсть и похвала св. мученику Бориса и Глеба. — В кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. подгот. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. Под ред. Коткова С. И. М., 1971.
 Ж. Нифонта — Житие преподобного... Нифонта (список 1219 г.). — В кн.: *Ристенко А. В.* Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Одеса, 1928.
 Изб. Св. 1076 г. — В кн.: Изборник 1076 года. Изд. подгот. Голыщенко В. С., Дубровина В. Ф., Демьянов В. Г., Нефедов Г. Ф. М., 1965.

- Измар.— Измарагд. XIV—XV вв. (список первой половины XVI в.).— Рукоп. БАН 13.2.7.
- Ипат. лет.— Ипатьевская летопись (список XV в.).—ПСРЛ. Т. 2. М., 1962 (воспроизведение 2-го изд. — СПб., 1908).
- Новг. корм. 1282 г.— Кормчая Новгородская. 1282 г.— Рукоп. ГИМ, собр. Синодальное № 132.
- Новг. I лет.— Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку XIII—XIV в.— В кн.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. Насонова А. Н. М.—Л., 1950.
- Остр. ев.— Остромирово евангелие 1056—1057 года. С прилож. греч. текста евангелий и с грамматич. объяснениями, изд. Востоковым А. Х. СПб., 1843.
- Пам. др. церк. учит. лит. III — Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. III. Изд. журн. «Странник». Под ред. Пономарева А. И. СПб., 1897.
- Патер. Печ. (Абр.) — *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. У Києві, 1930.— В кн.: Пам'ятки мови та письменства давньої України. Т. IV.
- Пр. Рус.— Правда Русская (Синодальный вид, список 1282 г.).— В кн.: Правда Русская. Т. I. Под ред. Грекова Б. Д. М.—Л., 1940.
- Пчела — Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Труд Семенова Виктора.— Сб. ОРЯС, 1893, т. LIV, № 40.
- Сл. Дан. Зат.— Слово Даниила Заточника (Академический список нач. XVII в.) — В кн.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Пригот. к печати Зарубин Н. Н. Л., 1932 (Памятники древне-русской литературы. Вып. 3).
- Сл. Испол. об антихр.— *Невостроуев К.* Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века... М., 1868.
- Физиол.— *Карнеев А.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890 (Изд. ОЛДП, № ХСII).
- Флав. Полон. иерус. — *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.
- Хрон. Амарт.— *Истрий В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I. Текст. Пг., 1920.
- Шест. Ио. екз.— Шестоднев, составленный Иоанном ексархом Болгарским по харатейному списку Московской синодальной библиотеки.— ЧОИДР, 1879, кн. 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии.— В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике. Ч. I. Л., 1958, с. 69.
2. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель Виноградова В. Л. Под ред. Ларина Б. А., Богородского Б. Л., Лихачева Д. С. Вып. 1. А—Г. М.—Л., 1965; Вып. 2. Д—Конье. Под ред. Богородского Б. Л., Лихачева Д. С., Творогова О. В. Л., 1967; Вып. 3. Корабль — Нынешний. Под ред. Богородского Б. Л., Лихачева Д. С., Творогова О. В. Л., 1969; Вып. 4. О—П. Под ред. Богородского Б. Л., Лихачева Д. С., Творогова О. В. Л., 1973; Вып. 5. Р—С. Под ред. Богородского Б. Л., Лихачева Д. С., Творогова О. В. Л., 1978, Вып. 6. Т—Я. Под ред. Богородского Б. Л., Лихачева Д. С., Творогова О. В. (в печати).
3. *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958, с. 177—178.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955, с. 271.
5. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. Ушакова Д. Н. Т. I., М., 1935; Т. II. М., 1938; Т. III. М., 1939; Т. IV. М., 1940.
6. *Потебня А. А.* К истории звуков русского языка. III. Варшава, 1881, с. 41.
7. *Поспишиль А. О.* Греческо-русский словарь. Киев, 1890, с. 236.
8. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1893; Т. II. СПб., 1895; Т. III. СПб., 1903.
9. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978, с. 248.
10. *Виноградова В. Л.* О методе лексикологического изучения текста «Слова о полку Игореве». — ВЯ, 1978, № 6.